

Б. Т. Горянов

Фальсификация истории турецкого завоевания и военно-феодального строя Османской Турции в трудах ученых Запада и США

В небольшой обзорной статье нет возможности с какой бы то ни было полнотой дать анализ всей массы лженаучной как монографической, так и массовой литературы; автору данного обзора представляется достаточно показать наиболее типичные образцы фальсификации истории турецких завоеваний учеными США и Западной Европы.

В борьбе с прогрессивными элементами турецкого общества, стремящимися к миру с Советским Союзом и всеми демократическими странами, реакционные кемалистские историки стремятся представить всю «предисторию» завоеваний турок-османов как сплошной подъем тюркских народов, с неизбежностью железных исторических законов пришедших в XV веке к созданию Османской Турции. Турецкое завоевание стран Закавказья, Малой Азии, Балканского полуострова изображается этими фальсификаторами истории как постепенное, «мирное» вращение турок, как непрерывный исторический процесс, берущий свое начало от гуннов, продолжающийся в виде завоеваний турок-сельджуков, затем монголов и, наконец, турок-османов. Вместо изучения истории борьбы народов Закавказья и других народов против турецких захватчиков вся история народов Восточной Европы, Закавказья, Малой Азии, Балканского полуострова изображается реакционными учеными, как «история борьбы христианства с исламом». Для того, чтобы в ложном свете представить общественному мнению своих стран турецкое завоевание, современные фальсификаторы пересматривают всю историю Османской империи. Они изображают Османскую Турцию не как новое образование, а как смену одного периода в истории тюркских народов другим периодом, без качественных изменений. История тюркских народов у буржуазных реакционных ученых представляет собой картину мирного, плавного, постепенного перехода от одной стадии к другой. К тюркским народам они относят такие племена и народности, которые никогда не принадлежали к этой группе. Делается это для того, чтобы показать единую цепь, единый цикл развития, начиная от арабских завоеваний и кончая созданием Османской империи. Вместо единственно научного принципа изучения этногенеза тюркских народов современные такие историки рассматривают историю этих народов по принципу принадлежности к магометанской религии, к исламу. От ошибок этого рода не свободна и большая работа венгерского ученого

Дьюла Моравчика¹, к сожалению, до настоящего времени не анализировавшаяся советскими языковедами и византинистами, хотя она заменила на время известное руководство—справочник Крумбахера². В коренном пересмотре нуждается раздел работы Моравчика о тюркских народах, в котором содержатся неправильные взгляды на классификацию народностей, особенно тех из них, которые искони проживали и проживают на территории нашей великой Родины³.

Преемником Крумбахера в основанном им семинаре византинологии в Мюнхенском университете явился Франц Дёльгер, как глава современных буржуазных византинистов Западной Германии. Дёльгер намеревался продолжить крумбахеровскую библиографию и выпустить третье издание труда своего учителя и предшественника, однако в годы войны немецко-фашистским властям было, очевидно, не до византиноведения. Оказавшись ныне в Западной Германии, Дёльгер в содружестве с проф. Шнейдерсом (Геттинген) в серии *Wissenschaftliche Forschungsberichte, Geisteswissenschaftliche Reihe, herausgegeben von Professor Dr. Karl Höhn* выпустил в 1952 г. в Бернском издательстве А. Francke „Byzanz“ нечто вроде *Bibliographie raisonnée* „мирового“ византиноведения за годы 1938—1950), являющуюся пятым выпуском указанной серии.

Как уже было отмечено, порочность взглядов византинистов США и Запада заключается особенно в теории «единого потока», цикличности, панисламизме, которые лежат в основе изучения ими истории тюркских народов. Это сказывается буквально во всех сочинениях, относящихся к «предистории» турецкого завоевания. Анализ социально-экономических отношений подменяется у них исследованием отдельных этапов передвижений тюркских племен в Малую Азию, привлечением и рассмотрением новых источников, которые позволили бы подкрепить эту теорию единого панисламистского движения на Европу.

Возьмем для примера хотя бы одну из последних работ⁴, поступивших недавно в библиотеки Москвы. Автор этой работы—член иезуитского ордена, профессор института востоковедения в Ватикане. Предисловие написано Л. Брейе, труды которого известны советским историкам по отзывам, печатавшимся в «Византийском Временнике».

В работе, основанной на многоязычных источниках, широко рассматриваются с обычных позиций буржуазных историков, изображающих весь ход мировой истории как непрерывную борьбу между христианством и исламом, взаимоотношения Византии с Ираном, народами Закавказья,

¹ *Gyula Moravcsik, Byzantinoturcica, I, Die byzantinischen Quellen der Geschichte der Türkvölker. II Sprachreste der Türkvölker in den byzantinischen Quellen. Budapest, 1942.*

² *K. Krumbacher-Geschichte, der byzantinischen Literatur von Justinian bis zum Ende des Ostromischen Reiches (527—1453). Zweite Auflage, bearbeitet unter Mitwirkung von A. Ehrhard und H. Gyller München, 1897.*

³ *G. Moravcsik, назв. соч., том I, стр. 27—30, библиография, стр. 30—32.*

⁴ *Paul Goubert, S. I. Byzance avant l'Islam. Tome premier, Byzance et l'Orient sous les successeurs de Justinien, L'empereur Maurice. Avec une préface de L. Bréhier.*

арабами. В арабском, а затем в турецком завоеваниях «достоцимый отец» видит лишь десницу всевышнего, карающую грешников, престоупающих законы «истинной» католической церкви, уже в отдаленные времена претендовавшей на мировое господство.

Известный по обзорам в «Византийском Временнике» Лоран еще в годы первой мировой войны посвятил целую монографию взаимоотношениям турок-сельджуков и Византии в Западной Азии до конца XI века¹.

После первой мировой войны число подобных работ сильно возрастает. Например, в другой работе того же направления² автор приходит к выводу о том, что причиной крестовых походов являлась усилившаяся опасность со стороны турок-сельджуков, особенно после поражения византийских армий при Манцикерте в 1071 г. Этот «вывод» имеет целью замазать роль католической церкви в подготовке этих походов, одной из задач которых папство ставило «обуздание» непокорных греков после церковного «раскола» 1054 г., то-есть окончательного отказа константинопольского патриархата от подчинения «римскому епископу», как называли византийцы главу Ватикана.

Остановимся еще на работе американского историка из Гарвардского университета, посвященной обоснованию исторического развития «возвышения» турок-османов³. В этом труде продолжается линия тех ученых, которые издавна стремились обосновать переход от раздробленности сельджукских государств к «централизации» Османской Турции исторически сложившимися путями передвижения тюркских племен по торговым и военным дорогам Малой Азии. Эта «географическая» теория истории тюркских племен, антинаучно обобщающая в единое целое события всех веков в отрыве от изучения общественно-экономического строя, проявлялась еще в ранних трудах Н. А. Марра. Так, например, Н. А. Марр писал в свое время, что географические особенности района, занятого Эртогрулом, являлись неизменными условиями векового передвижения тюркских племен по Малой Азии⁴.

Из цикла трудов буржуазных историков, антинаучно объясняющих исторические процессы географическими условиями, назовем хотя бы труд Тешнера, который строил свои выводы, некритически опираясь в

¹ T. Laurent. Byzance de les Turcs seldoukides dans l'Asie occidentale jusqu'en 1081, Paris, 1914. 191 с.

² Claude Cahen. La première pénétration turque en Asie Mineure (seconde moitié du siècle), 1950. В этой работе приведена обширная библиография трудов, посвященных проблеме истории сельджуков и связанных с нею вопросов истории народов Закавказья, Ирана и Малой Азии.

³ William L. Langer, The Rise of the Ottoman turks and its historical background, The Amer. Historical Review, vol. XXXVII, № 3, 1932, pp. 468-505. В работе приведена большая библиография.

⁴ Н. Марр. Крещение армян, грузин, абхазов, аланов св. Григорием: арабская версия. Записки Восточного отделения имп. Российского археологического общества, XV (1904-1905), стр. 63, след. см. его же Аркаун Византийский Временник, XII (1906), стр. 1-68.

исследованиях на исторические источники, написанные придворными историками султанов Османской Турции¹.

Количество трудов зарубежных ученых, в искаженном свете освещающих историю турок-осман, можно было бы продолжить до бесконечности, ибо сейчас история Турции, как сторонника агрессивных планов, неизменно привлекает к себе внимание историков, задавшихся целью исторически оправдать поведение турецкой господствующей верхушки, толкающей миролюбивый турецкий народ на военные авантюры против народов Советского Союза, в первую очередь против братских народов Закавказья. Напомним, что в союзе с кемалистами выступала «дашнакцутюн», партия армянской реакционной буржуазии, вышибленная из истории победой Советской власти в Армении и продолжающая за рубежом бороться за военный союз с Турцией с целью похода против Советской Армении. Как сообщалось в печати, историки из лагеря предателей-дашнаков обосновывают тактику своих хозяев, фальсифицируя вместе со всеми лжеучеными Запада и США историю турок-осман².

Правильную оценку исторических событий в Малой Азии, предшествовавших возникновению Османской Турции, могут дать лишь советские историки, вооруженные учением Маркса—Энгельса—Ленина—Сталина. На этом участке фронта советской исторической науки большие успехи достигаются в научно-исследовательской работе ученых, объединенных вокруг научно-исследовательских институтов Академии наук Армянской ССР. Не ставя задачей анализировать труды армянских историков, мы не можем не назвать имени покойного академика Я. А. Манандяна, до последних дней жизни поддерживавшего общение с византинистами и востоковедами Москвы и Ленинграда, постоянно сотрудничавшего в советских органах «Византийский Временник», «Вестник древней истории» и других, на страницах которых постоянно знакомил ученых, не знающих армянского языка, с итогами своих выдающихся многочисленных исследований. Мы не можем не назвать также вышедшей недавно работы проф. Г. Г. Микаеляна, который в своем исследовании³, глубоко изучив все доступные источники, сделал попытку марксистского осмысления исторических процессов в Малой Азии и правильной оценки их, чего не способны были сделать зарубежные историки.

Классики марксизма-ленинизма с исчерпывающей полнотой характеризовали отсталый общественно-экономический и военный строй турецких завоевателей. Многочисленные высказывания Маркса и Энгельса позволяют советским историкам восстановить подлинный характер турецкой Османской империи, как один из самых отсталых реакционных военно-фео-

¹ Franz Tacschner, Das Anatolische Wegenetz nach Osmanischen Quellen [Türkische Bibliothek, №№ 22, 23]. Leipzig, 1924—1926. См. также J. Sackh. Historisch Geographische Studien über Bithynische Siedlungen Nicomedia, Nikaa, Prusa, Byzantinisch Neugriechische Jahrbücher, I (1920), ss. 263—267.

² См. статью Г. Никогосяна «Дашнаки в союзе с турецкой реакцией», газета «Советакан Айастан», 18 января 1953 г.

³ Г. Г. Микаелян, История Киликийского армянского государства (Академия наук Армянской ССР, Институт истории), Ереван, 1952.

дальных режимов, основанных на грабеже, разбое, порабощении, беспощадной эксплуатации и угнетении всех народов, попавших под тяжелое турецкое иго. Основоположники марксизма с предельной ясностью вскрыли истинный характер внутренней политики Османской Турции с первых дней ее появления на Балканах. Османская военно-феодалная система не затронула существа производственных отношений, сложившихся до турецкого завоевания. «Восточный деспотизм затрагивает муниципальное самоуправление только тогда, когда оно сталкивается с его непосредственными интересами, но он весьма охотно допускает существование этих учреждений, пока они снимают с него обязанность что-либо делать самому и избавляют от хлопот регулярного управления»¹.

Кемалистская реакционная историография ставит одной из своих первоочередных задач доказательство превосходства общественно-экономического строя турок-османов по сравнению с общественно-экономическим строем завоеванных ими народов. Это превосходство позволило якобы туркам-османам принести на Балканский полуостров свои, более высокие формы государственной организации. Этот миф, создаваемый кемалистской историографией, подхватывается учеными Запада и США. Между тем классики марксизма-ленинизма отчетливо показали, что турки-османы лишь законсервировали в Болгарии, Сербии, в странах Закавказья и других завоеванных ими странах общественно-политический строй в том виде, в каком они застали его в конце XIV века. Азиатский военный феодализм Османской Турции вообще был несовместим с каким-бы то ни было прогрессом. Во всех завоеванных странах турецкое иго было крупнейшим препятствием на пути экономического, социального и культурного развития подчиненных народов. Тяжелое иго переживали под властью сатрапов Османской Турции славянские народы Балканского полуострова². Не оставляющую никаких сомнений характеристику господства турок-османов дал в своих трудах И. В. Сталин, определивший турок-османов как самых жестоких из всех ассимиляторов, которые сотни лет терзали и калечили балканские нации³, как терзали и калечили они и все другие завоеванные народы. Как правильно отмечали многие русские ученые, турки-османы всю свою энергию отдавали созданию армии и сами говорили, что их государство «саблей добыто и саблей только может быть поддержано»⁴.

В явном противоречии с объективной исторической истиной, вскрываемой беспристрастными исследователями подлинных источников по общественно-экономическому и военному устройству Османской Турции, находятся реакционные фальсификаторы ее истории. Основная линия этой фальсификации, как справедливо указывали в свое время

¹ Там же.

² *Георгий Чанков*, Светлый день в истории болгарского народа. Известия Советов депутатов трудящихся СССР, 3 марта 1953 г.

³ *И. В. Сталин*, Соч., т. II, стр. 347.

⁴ *В. Д. Смирнов*, Кучибей (емурджинский) и другие османские писатели XVII в. о причинах упадка Турции, СПб., 1873, стр. 211.

даже отдельные представители буржуазной исторической науки, тянется от придворных историков Османской Турции, выводы которых без всякой критики воспринимались западноевропейскими учеными, начиная от Гаммера¹.

«Теоретическими» исследованиями в области истории Юго-Восточной Европы, Закавказья, Малой Азии занимались зачастую лица, лишь надевавшие на себя личину ученых историков. К таким ученым относятся румынские историки Йорга и Братяну, английский дипломат Ренсимен, работник английского военного кабинета в годы первой и второй мировых войн Сеттон, бельгийский академик Грегуар и другие. Фальсифицируя историческую роль покоренных турками народов, присваивая туркам никогда не принадлежавшую им роль носителей передовой культуры, они чуть ли не объясняют гуманизм и возрождение как явления, возникшие в результате «культуртрегерской» роли турецких султанов, представителей самого отсталого военно-феодального режима, в течение столетий сковывавшего развитие производительных сил у завоеванных народов и тормозивших развитие более прогрессивных форм общественно-экономического и политического строя и культуры.

Как же Йорга и его единомышленники трактовали и трактуют турецкое завоевание Константинополя, падение Византии и основание на развалинах балканских стран, на крови славянских народов, Османской империи? Вряд ли можно найти различие между его взглядами на эту большую проблему и взглядами француза Рене Груссе, греков Андриадиса, Кукулиса и Хараниса, директора титовского института византиноведения Острогорского и, конечно, Анри Грегуара, всеми ими единодушно признанного главы «международного» византиноведения. Для всех этих историков Османская империя внесла ничтожные изменения в общественно-политическую и социально-экономическую жизнь завоеванных стран.

Если внимательно прочесть обобщающую работу Йорги по истории Византии², то можно с легкостью убедиться в том, что его оценка Османской Турции и турецкого завоевания, от которого крестьянство, ремесленники и вообще эксплуатируемые слои населения Молдавии и Валахии страдали не меньше, чем в других странах, народы которых стонали под гнетом турецких завоевателей, ничем не отличается от оценки, которую дают этим историческим событиям другие идеологи буржуазии тех стран, правящие круги которых в годы между первой и второй мировых войн ориентировались на блок держав, возглавляемых американскими империалистами. Объективистски равнодушный тон в изложении самых трагических страниц в истории этих народов от середины XV века, прославление военной мощи турецких захватчиков, а также их «культуртрегерской» роли вместо разоблачения их неслыханного варварства, дикости и нежества — таковы основные черты «научного» творчества Йорги и всех его единомышленников.

¹ I. Hammer, *Geschichte des Osmanischen Reiches*. См. особенно его *Das Osmanischen Reiches Staatsverfassung*. Bd. I—II. Wien, 1815.

² N. Iorga, *Histoire de la vie byzantine*, III, Bucarest, 1934.

Может быть, наиболее характерно следующее высказывание Иорги. Приведем его почти полностью, так как оно определяет направленность всей «школы» фальсификаторов турецкого завоевания. Говоря о постепенном проникновении турок-османов, Иорга пишет, что в связи с долгим соседством с турками и постоянными сношениями с ними, между греками и турками установился такой «modus vivendi», что как раз (1453 г.) перед захватом Константинополя «отношения с турками были такими тесными и близкими (intimas), что в системе Глемиста Плифона искали элементы календаря, организации (общества «АШИ», процветавшие в исламе в XIV в.) и даже религии, заимствованные у турков. Плифон был переведен на арабский язык. Султан имел уже греческих секретарей...¹».

Порочность современной буржуазной науки в изучении проблемы турецкого завоевания проявляется в прославлении армии турецких султанов, которое в настоящее время понадобилось для того, чтобы создать миф о непобедимости турецкой армии. Цель этого прославления для советских историков ясна. Ее нередко за последнее время выбалтывают реакционные американские генералы, которые по свойственной им циничной грубости высказываются значительно откровеннее, чем реакционные историки, вынужденные по роду своих занятий облекать политические взгляды своих американских хозяев в одежды «научного аппарата».

В свете этого сообщения советской научной общественности станет более ясным характер многочисленных монографий, журнальных статей и даже публикаций источников, издаваемых в странах Запада и США. Возьмем для примера хотя бы небольшую публикацию, выпущенную во время войны. Во время войны была издана докторская диссертация турецкого ученого Шерифа Баштафа² о строе армии «Великой Турции».

¹ N. Iorga, Histoire de la vie byzantine, III, Bucarest, 1924, стр. 280.

Для буржуазных историков капиталистических стран стало обычным изображать Иоргу как жертву немецко-румынских фашистов (как известно, Иорга был убит румынскими железногвардейцами в конце первой мировой войны). Буржуазия Румынии, ранее всегда тесно связанная с банками стран Антанты и США, заинтересованная в румынской нефти, использовала убийство Иорги для «легальной» демонстрации против итальянских и немецких фашистских оккупантов. Но от этого не меняется политическая физиономия Николая Иорги, верного слуги Антанты, а затем и США. Гибель Иорги — результат борьбы двух группировок румынских дворянско-буржуазных верхов, из которых одна ориентировалась на страны «союзников», а другая — на державы фашистской оси Берлин — Рим — Токио. Поэтому правильная оценка огромного литературного наследия Иорги является неотложной задачей советской историографии по истории всего Ближнего Востока.

² Ordo partae Description gresque de la porte et de l'armee du Sultan Mehmed, II, editée, Budapest, 1947, traduite et commentée par Serif Bastav. Как сообщает Баштаф, текст, обнаруженный им в рукописи № 1712 Национальной Парижской библиотеки, подготавливался к печати также и румынскими учеными Настурель и Александреску-Дерска (см. сообщение в Revue historique du Sud-Est Europeen 23 1946 стр. 292), которые отказались от публикации, узнав о законченной уже работе Баштафа.

Работа Баштафа сопровождается лингвистическим и историческим комментарием, переведенным на французский язык Владиславом Гальди (Ladislav Galdi).

Комментарий к работе, составленный автором в обычной формалистически-объективистской манере, тем не менее наполнен высказываниями из произведений буржуазных историков, специально подобранными с целью укрепить в сознании своих читателей давно разоблаченный советскими учеными миф о непобедимости турецкой армии. Так, например, он повторяет замечание Гиббона, что в организации постоянной армии турка намного превзошли все европейские государства¹. Автор и не пытается объяснить корни военной организации турок-османов XV века, армии «Мехмеда-Завоевателя», как обычно называет Мехмеда II большинство буржуазных историков. Баштаф ограничивается лишь одной цитатой из сочинения своего учителя Фекете, который, в свою очередь, лишь вскользь упомянул о том, что военная организация турок-османов была «связана» с системой землевладения, даже не пытаясь вникнуть в рассмотрение основных черт военно-феодального землевладения Османской империи. В этой же связи обращает на себя внимание небольшая заметка известного английского буржуазного византиниста Бейнса, который предпринял попытку на двух страничках (sic!) английского исторического обозрения пересмотреть вопрос о военной организации Византийской империи. В этой заметке, ссылаясь лишь на работы Острогорского и Штейна, он «забывает», что основа правильного научного изучения военной системы Византии впервые была заложена в трудах русских византинистов, особенно Ф. И. Успенского, а также его ученика, ныне проф. Одесского университета А. Г. Готалова-Готлиба².

Фальсифицируя историю Османской Турции, создавая антинаучные легенды о преимуществе ее строя и о благодетельной роли турецких властителей, реакционные ученые тратят немало усилий на доказательства «теорий» о мирном постепенном вращении турок-османов в покоряемые страны, об отсутствии всякого сопротивления завоевателям со стороны покоренных народов. Они замалчивают широкие народные движения против турецких завоевателей. Упомянувшийся в этом обзоре Лоран, исследуя настроения общества балканских государств XIV—XV вв., не желая замечать различного отношения к туркам-османам, замалчивая классовые противоречия, пишет, что на Балканском полуострове не было настроений для борьбы против «мусульман» ни до, ни после турецкого завоевания³. Сравнивая корпус янычаров со средневековыми христианскими рыцарскими орденами, отдельные ученые позволяют себе говорить о «миссионерской», «культуртрегерской» роли этих «рыцарей»⁴, известных своими кровавыми злодеяниями против борющихся с ними народов.

¹ *Ordo partae Description græque de la porte et de l'armée du Sultan Mehmed II*, édité, Budapest, 1947, traduite et commentée par Serif Bastav, стр. 19.

² *Ibidographia Uspenskiana*, сост. С. Н. Кантеевым, Византийский Временник, I (XXVI), 1947, стр. 231, № 59.

³ *V. Laurent, L'idée de guerre sainte et la traiction byzantine* Revue historique du Sud-Est Européen, XIII (1946), pp. 71—94.

⁴ *W. L. Langer, The Rise of the Otoman Turks and its historical background*, The American Historical Review, vol XXXVII, № 3, April, 1932, p. 504. Подобные сравнения делали и некоторые немецкие историки времен Вильгельма I^{го}, зараженного идеей о продвижении до Багдада. См. например, работу Heinrich, Schurtz, Preussische Jahrbücher, 112 (1903), ss 450—479.

Буржуазные фальсификаторы истории изображают турецких завоевателей, в том числе и кровавого Мухаммеда II, как носителей культуры, прогресса, а кровавого султана, разрушившего большие культурные ценности—чуть ли не как величайшего гуманиста и мецената своего времени. «Исследования» этого вида «деятельности» Мухаммеда II стали привлекать внимание ученых Запада, особенно в самое последнее время, когда правители Турции подготавливали мероприятия в ознаменование 500-летнего «юбилея» захвата Константинополя, то-есть основания новой Османской империи с центром в Европе на месте погибшей Византии. В этих исследованиях современные византилисты пытаются воскресить традиции романтического и сентиментального направления прусско-юнкерского литературоведения (Шпигель¹, Нольдеке² и др.), которому вторичны литературоведы и историки других стран (Дезимони³, Соранцо⁴, Тюан⁵ и многие другие). Следуя порочной космополитической теории филиации идей и сюжетов, буржуазные ученые потратили много труда, чтобы цикл эпоса об Александре Македонском связать с личностью Мухаммеда II, не обращая внимания ни на различие общественно-экономического и политического строя эпох эллинизма и Византийской империи, ни на различия в характере завоевателей варварских народов, которые разрушают старую цивилизацию и образуют совсем иной общественный строй.

Как известно, Маркс, говоря об этих явлениях, приводит примеры: «Рим и варвары, феодализм и Галлия, восточно-римская (Византийская—Б. Г.) империя и турки»⁶. В своей борьбе против марксистского учения буржуазные ученые наших дней снова подхватывают порочную, позорную для всякого прогрессивного деятеля теорию о культуртрегерской роли Мухаммеда II, восточного деспота, истребителя балканских народов. В этом направлении особое рвение проявил Бабингер⁷, в работах которого Мухаммед II предстает не как варвар-завоеватель, а как изысканный любитель ценностей культуры, которые в действительности он уничтожал

¹ *Fr. von Spiegel*, Die Alexandersage bei den Orientalen, Leipzig, 1851.

² *Th. Nöldeke*, Beiträge zur Geschichte des Alexanderromans. Denkschriften der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften, phil.-hist. Klasse XXXVIII, Wien, 1890.

³ *G. Desimoni*, Вступление к новому изданию хроники о Мухаммеде II. *Atti della Società ligure di storia patria* X (Genova, 1874).

⁴ *G. Soranzo*, Una missione di Signore Pandolfo Malatesta o Maometto II nel 1461. *La Romagna*, VI (1909), pp. 43—54 e 93—96; VII (1910), pp. 62—64.

⁵ *Louis Thasne*, *Gentile Bellini et Sultan Mahommed II*, Paris, 1888.

⁶ *К. Маркс и Ф. Энгельс*, *Немецкая идеология*, Москва, 1933, стр. 13.

⁷ См. его работы в „*Rivista degli Studi Orientali*“, XXVI, Roma, 1951, стр. 87—113; ср. *F. Babinger*, Ein Freibruf Mehmeds II, für das Kloster Hagia Sophia in Saloniki, Eigentum der Sultan Mara (1459) *Byzantinische Zeitschrift*, XXXIV, München, 1951, где на стр. 11—20 приведена дальнейшая литература по разработке этого „сюжета“ в зарубежной исторической науке, обозреть которую мы, за недостатком места, отведенного для этого обзора, не имеем возможности; на VIII „международном“ конгрессе в Палермо Бабингер делал доклад об итальянской карте Балканского полуострова, принадлежавшей его завоевателю Мухаммеду II, см. *imago Mundi VIII* (Stockholm, 1951). В журнале „*Orlens*“ II, (Leiden, 1949), стр. 6—29, напечатана не дошедшая еще до нас статья *Ein Jacobs Mehemed II, der Eroberer seine Beziehungen zur Renaissance und seine Büchersammlung*,

огнем и мечом в сьоем кровавом шествии по костям покоряемых народов. В этой связи имеет смысл напомнить о том, что в начале XIX в. флорентинец Джакомо Тедадьди, принимавший участие в обороне Константинополя и бежавший на галере в Венецию от разбушевавшихся турецких грабителей, писал в своих записках, что «лучше сдаться на милость наших (то-есть венецианских властей, которые могли наказать своего гражданина, как дезертира—Б. Г.), чем быть казненным от рук турок» *potius in manibus et gratia nostra se ponere, „quam capitare in manibus turcorum.*

Этот же Тедадьди писал, что Мухаммед II более жесток, чем Нерон, наслаждаясь видом широкой реки человеческой крови—Edm. Martene—U. Durand, *Thesaurus novus anecdotorum*, I. Parisus 17, pp. 1819—1825. Замалчиваются буржуазными учеными, пишущими историю турецкого завоевания в наши дни, также широко известные сообщения о сожжении турками Белграда и многих других балканских городов. См. хотя бы Monum. Hist. Germaniae Scriptores, XX, p. 815.

Обозрение работ буржуазных ученых мы закончим несколькими словами о статье Бабингера, помещенной в последнем дошедшем до нас томе «Byzantion»¹. Стремясь показать, что образ Мухаммеда II «искажался» в ссчигениях его современников и в таком искаженном виде перешел и в труды историков позднейших времен, Бабингер избирает эпитафией к своей статье слова Джульетты из трагедии Шекспира «Ромео и Джульетта»: *Too early seen unknown and known too late.*

Этим эпитафией автор статьи, в которой он стремится изобразить «Мухаммеда-Завоевателя» величайшим гуманистом, подчеркивает, что его герой слишком рано не был признан, вернее признан был неправильно, и что в настоящее время, может быть, слишком поздно узнать его «подлинное лицо» покровителя культуры. Вся статья полна описаниями награбленных султаном ценностей, которые он упрятал в своих кладовых после трехдневного разбоя и грабежа, учиненного его войсками по его приказу, и ссобщениями о посещениях дворца владыки новой империи несколькими западными художниками и учеными, не успевшими бежать на Запад и теперь явившимися искать у «повелителя неверных милостей». Попутно Бабингер клеветает на албанского народного героя Скандербегу, чьим именем названы в наши дни города, улицы, предприятия и села в народно-демократической Албании, которого он хочет изобразить как одного из доверенных лиц в окружении султана, хотя всякому лицу, мало-мальски знакомому с этой эпохой, хорошо известно, что Скандербег возглавлял героическую борьбу свободолюбивого албанского народа против турецких завоевателей, стремившихся железом и кровью приобщить к исламу поскеренные народы Балканского полуострова.

В годы войны, когда проф. Грегуар начал сколачивать вокруг «американской» серии журнала «Byzantion» угодные ему кадры, готовые

¹ *Franz Babinger, Mehmed II der Eroberer, und Italien. Byzantion, XXI (1951), fasc 1, pp. 127—170.*

вести борьбу против марксизма, в первом же томе этого журнала, изданном в США, появилась большая статья А. А. Васильева¹. В этой статье бывший русский профессор А. А. Васильев излагал свои представления о настроениях средневекового общества, сравнивая общественно-политическую идеологию стран Запада и Востока. Автор поднимает на щит предателя балканских народов Георгия Схолария, первого патриарха после турецкого завоевания, возглавившего по назначению кровавого Мухаммеда II фанариотское патриаршество, насильовавшего волю славянских народов, верно служившего завоевателям. Политический смысл обеления и прославления кровавого мракобеса инквизитора Георгия Схолария вполне ясен. Незадолго до турецкого завоевания этот инквизитор сжигал на костре сочинения Георгия Гемиста Плифона, выступавшего со смелыми пресектами социально-политических реформ², и других прогрессивных мыслителей, действовавших перед падением Византии и бежавших в Италию, опасаясь преследований со стороны константинопольского патриарха, когда Мухаммед II облек предателя Схолария саном патриарха.

Забывая в угоду американским агрессорам всю прежнюю полемику буржуазных историков Запада против историков стран ислама, особенно Турции, современные продажные ученые придают и кровавому завоевателю Мухаммеду II черты меценатства, покровительства науке и искусству. Они умышленно забывают о неисчислимых, непоправимых бедствиях, причиненных памятникам античной культуры разбушевавшимися дикими ордами янычаров по приказу этого «мецената», отдавшего Константинополь, как и все завоеванные территории балканских стран, на разграбление.

Неслыханный сервилизм проявляют многие ученые монархо-фашистской Греции, отражающие интересы помещиков и крупной буржуазии, тысячами нитей связанных с иностранным капиталом. Даже простое упоминание о годах, когда молодая греческая буржуазия вела в первой половине XIX века, вместе с народными массами, борьбу за политическую независимость Греции против турецких султанов, рассматривается сейчас как проявление «опасных мыслей», караемое по приговорам военно-полевых судов, которые держит под своим контролем американская военщина. Османская Турция после завоевания Балканского полуострова нашла в восточной православной церкви, в византийском духовенстве своих верных слуг. Греческое духовенство быстро забыло призывы о борьбе с «неверными», с которыми оно до самого падения Константинополя обращалось к своим прихожанам. Получив от турецкого султана Мухаммеда II фирман, греческое духовенство, так называемые «фанариоты», превратилось в руках турецких султанов в послушное оружие для угнетения балканских народов. Темное, невежественное греческое духовенство беспощадно расправлялось со всякими проявлениями борьбы балканских, осо-

¹ A. Vasiliev, *Medieval (deus of the End of the World; West and East. Byzantion (American Series, II), vol XVI, fasc. 2, 1942—1943. Boston, Massachusetts, 1944, pp. 463—502.*

² Б. Т. Горянов, Георгий Гемист Плифон, Речи о реформах, Византийский Временник, VI (1953).

бенно славянских народов. Считаю уместным в этой связи показать, как Маркс характеризовал «деятельность» фанариотов. Под датой 29 мая 1453 года, день штурма и захвата Константинополя, Маркс пишет: «Георгий Схолар, или Геннадий, не во время разыгравший предательский фанатизм, стал греческим патриархом Константинополя. Мухаммед II с самого начала оставил за собой право утверждения греческого патриарха... Султаны... употребляли своих греческих рабов для всех функций, требующих высокого технического и умственного образования». Тут же рядом Маркс отмечает, что турецкое завоевание вызвало эмиграцию греческих ученых, перенесших античную культуру в Италию и т. д.¹ Под той же датой в разделе «Турки со времени Мухаммеда I до Селима I» Маркс отмечает, что по желанию Мухаммеда II «...патриархом избран был монах Георгий Схоларий, или Геннадий, который сеял раздор между латинянами и греками и, таким образом, облегчил ему завоевание Константинополя.

[Патриаршество стало предметом купли и часто предоставлялось тому, кто предлагал самую высокую цену]... Отчасти вырезав, отчасти продав в рабство константинопольскую чернь, Мухаммед II пополнил {город} греками: под угрозой смертной казни многие тысячи их должны были переселиться из Синопа, Трапезунда и Астрокастропа в Константинополь в качестве колонистов»².

Для греческих патриотов история Византии, ее гибель, турецкое завоевание и дальнейшая борьба греческого народа являются частями истории их страны. Казалось бы, кому, как не им, разоблачать деятельность фанариотов, предателей своего и всех остальных балканских народов, перешедших на службу к их угнетателям, уничтожившим большие культурные ценности, воспитывать свой народ в духе ненависти к угнетателям. И. В. Сталин указывал, что «сотни лет турецкие ассимиляторы старались искалечить, разрушить и уничтожить языки балканских народов..., однако балканские языки выстояли и выжили»³. Не случайно И. В. Сталин привел, говоря о насильственной ассимиляции⁴, именно пример турецких ассимиляторов. Фанариоты были «греческими рабами» турок, их верными помощниками в их борьбе против развития самобытной культуры балканских народов, которую они вкупе со своими хозяевами стремились растоптать, задушить, превратить все народы Балканского полуострова в покорную безгласную «райю» (стадо), молящуюся на чуждом им греческом языке во славу истреблявших их банд янычаров и их султанов.

Здесь нет нужды упоминать о неоспоримом приоритете русской дореволюционной науки, представители которой впервые поставили вопрос о

¹ К. Маркс, Хронологические выписки, II (приблизительно от 1300 до 1470). Архив Маркса и Энгельса. VI, Госполитиздат, 1939, стр. 207.

² К. Маркс, Хронологические выписки, III (приблизительно от 1470 до 1580). Архив Маркса и Энгельса, VII, Госполитиздат, 1939, стр. 200.

³ И. В. Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, Издательство «Правда», 1950, стр. 22.

⁴ Там же, стр. 21.

роли славян во всемирной истории на прочную базу научного исследования. Советские ученые своими конкретными монографическими исследованиями, на основе единственно научного марксистско-ленинского метода исторического исследования, впервые создают подлинную историю балканских народов, их роль в борьбе за свою самобытную культуру на протяжении всей их истории, особенно в период ига турецких ассимиляторов, наиболее жестоких из всех ассимиляторов, исследуют связи братских балканских народов с великим русским народом.

В борьбе с передовыми идеями марксистской науки реакционные ученые, отошедшие от науки и ставящие свою литературную деятельность на службу целям пропаганды расовой вражды и человеконенавистничества, полностью отрицают какое бы то ни было воздействие славян и других балканских народов, закавказских народов на все процессы экономической, политической и культурной жизни в истории стран Балканского полуострова, Закавказья, Малой Азии, всего Ближнего Востока. В борьбе с усиливающимся влиянием непобедимых идей марксизма-ленинизма они проповедуют лженаучные теории об «особом пути» развития этих народов. В своих многочисленных произведениях они стремятся доказать, что эти народы могли развиваться экономически и политически, строить свою культуру лишь под влиянием сначала византийской государственности и культуры, а затем под «благотворным» влиянием турецкого господства миновал обычный путь феодализации, получили все блага, которые якобы могла предоставить им лишь мощная централизованная Османская Турция, которая якобы сплотила народы политически и подготовила почву для политически самостоятельного существования. Эти реакционные взгляды политически отражали стремления буржуазии стран Ближнего Востока, ориентированной на Францию и Англию. Эти взгляды отражены, например, в особом цикле произведений Иорги, начатом за несколько лет до первой мировой войны его книжкой о «Византии после Византии»¹. «Идея» о том, что «бессмертная Византия» и после захвата Константинополя во все века и до наших дней господствует в государственном строе, культуре и идеологии стран Юго-Восточной Европы в период подготовки второй мировой войны и особенно после ее окончания буквально не сходит со страниц многочисленных органов печати в странах капитала. Их редакторы и авторы, слуги магнатов капитала, охваченных бредовой идеей «мирского господства», выбиваются из сил, чтобы обрабатывать «общественное мнение» стран Юго-Востока Европы. Чтобы подкрепить свою теорию о живучести «византизма» у народов этих стран проповедники «Средиземноморского пакта», одними из которых являются реакционные византилисты, поднимают на щит фанариотское духовенство, приписывая этим душителям балканских народов «культуртрегерскую» роль, роль хранителей «неугасимого огня» античной и византийской культуры, вдохновителей великого движения гуманизма, роль просветителей покоренных народов

¹ N. Iorga, *Buzance après Byzance. Combinaison de l'histoire de la vie byzantine*, Bucarest, 1934.

500-летию «юбилею» падения Византии и основания Османской империи буржуазные ученые придали характер политической демонстрации против Советского Союза и стран народной демократии. Характер «международного» конгресса историков, посвященного этому юбилею, прикрывает политические цели, не имеющие ничего общего с наукой.

Советские историки, осуществляя решения XIX съезда партии, развивая передовую марксистско-ленинскую историческую науку, должны в монографических исследованиях противопоставлять измышлениям фальсификаторов истории марксистское истолкование турецкого завоевания, разъяснить подлинный характер Османской империи, угнетавшей завоеванные народы, освещать героическую борьбу, которую вели эти народы, отстаивая свою высокую самобытную культуру и добиваясь освобождения от невыносимого турецкого ига.